

Нарратив как культурный медиатор развития личности: взгляд сквозь призму культурно-исторической психологии

Ю.Б. Турушева*,
ФГБНУ ПИ РАО, Москва, Россия,
turusheva.yulia@gmail.com

Рассматриваются особенности нарративного подхода как новой методологии изучения личности и механизмов ее развития. Обсуждаются базовые установки социального конструкционизма, в рамках которого на сегодняшний день осуществляется большая часть нарративных исследований. Раскрываются основные подходы и концепции нарративного подхода. Показываются его возможности в исследовании процесса социализации и становления идентичности человека в контексте культурно-исторического подхода. Анализируются некоторые специфические функции нарратива, такие как: способность структурировать опыт и придавать ему смысл; создавать систему базовых ценностных ориентиров; формировать и перестраивать собственную идентичность и влиять на других; устанавливать временной порядок и смысловые связи между прошлым, настоящим и будущим; транслировать культурный опыт и оказывать влияние на сообщества. Все эти функции: структурирующая, ценностно-ориентирующая, перформативная, темпоральная, транслирующая — предлагаются рассматривать с точки зрения культурно-исторической психологии, предполагая в нарративе культурное средство, опосредствующее развитие личности.

Ключевые слова: нарратив, нарративный подход, социализация, идентичность, социальный конструкционизм, культурное опосредствование.

Интерес к нарративу в гуманитарных науках возник в конце 1980-х гг. на фоне общего интереса к языку и его роли в формировании наших представлений о мире и о самих себе. Не только в психологии, но и в социологии, культурологии, антропологии, истории и ряде других дисциплин повествование было осмыслено как универсальное культурное средство — все известные нам культуры были культурами, рассказывающими истории. И хотя нарратив «...может очерчивать сугубо индивидуальные и ситуационно-специфические версии реальности, он используется в общепринятых лингвистических формах... Таким образом, рассказываемая история, вовлеченные в нее рассказывающие и слушающие и ситуация, в которой она рассказывается, оказываются связанными с базовой культурно-исторической структурой» [7. с. 31].

В то же время, как будет подробно показано ниже, основные исследования нарративов непосредственно связаны с парадигмой социального конструкционизма, с позиции которого и рассматриваются, и анализируются полученные материалы. Однако эти материалы настолько разносторонни, а сам подход имеет

настолько богатые интерпретационные границы, что представляется возможным связать нарративы с исследованием идентичности, ценностей и смыслов в рамках культурно-исторического подхода. Именно такое обоснование и стало целью данной статьи.

Нарративный подход в психологии сосредоточил внимание на автобиографических Я-нарративах, т. е. историях, рассказанных от первого лица, повествующих о перипетиях собственной жизни. Личная жизненная история, по мнению многих ученых, придает ощущение целостности нашим жизням, позволяет удержать разрозненные части опыта, сохраняет преемственность Я во времени, поддерживая идентичность. Рассказывание историй — обыденная языковая практика, то, с чем мы сталкиваемся ежедневно, именно поэтому она оказывает на нас столь сильное воздействие: «Я полагаю, что способы говорения и сопутствующие им способы концептуализации становятся настолько привычными, что в результате превращаются в шаблоны структурирования самого опыта, прокладывания дорожек к памяти, ориентации жизненного нарратива не только из прошлого до настоящего момента, но и в

Для цитаты:

Турушева Ю.Б. Нарратив как культурный медиатор развития личности: взгляд сквозь призму культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 24–32. doi:10.17759/chp.2016120203

* Турушева Юлия Борисовна, аспирантка лаборатории психологии подростка, ФГБНУ «Психологический институт РАО», Москва, Россия, e-mail: *turusheva.yulia@gmail.com*

будущее. Я утверждал, что проживаемая жизнь неотделима от рассказываемой жизни или, проще говоря, жизнь — это не то, «как оно было», а то, как оно интерпретируется и переинтерпретируется, рассказывается и перерассказывается...» [8, с. 27].

Нарративный подход и социальный конструкционизм

Надо отметить, что большинство нарративных исследований осуществляются в рамках социального конструкционизма, на который, в свою очередь, значительное влияние оказали идеи Л.С. Выготского, согласно которым высшие психические функции обусловлены культурно-исторически и возникают в процессе коммуникации и совместной деятельности: «Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она представляет собой для других» [10, с. 196]. Внимание социального конструкционизма сосредоточено на тех (прежде всего языковых) процессах, посредством которых люди описывают, интерпретируют, делают для себя понятными самих себя и мир, в котором они живут, «...его исходным пунктом служит радикальное сомнение в том, что окружающий мир (как обыденный, так и научный) есть нечто, разумеющееся само собой» [13, с. 53]. Большинство психологических понятий предлагается рассматривать не как объективные психологические состояния, а как социально-исторические по природе проявления, в контексте их лингвистического использования: «Термины, в которых происходит осмысление мира, есть социальные артефакты, продукты исторически обусловленного взаимодействия между людьми. С точки зрения конструкционизма, осмысление мира — это не автоматический или природный процесс, понимание мира есть результат активной совместной деятельности людей, вступающих во взаимные отношения» [13 с. 56]. С точки зрения конструкционизма, мир не существует «сам по себе», но создается, конструируется в процессе социальных интеракций. Следовательно, автобиографический нарратив — это не репрезентация прошлых событий и не отражение реальности. «Суть рассказывания не в том, чтобы сделать события зримыми, рассказ не подражает; волнение, которое мы способны испытать при чтении романа, — это не волнение, вызванное «зримостью» соответствующих образов..., это волнение, внушаемое нам смыслом, т. е. некоей высшей реляционной упорядоченностью» [4]. Социальный конструкционизм попытался отказаться от традиционного субъект-объектного дуализма. Под сомнение была поставлена и теория знания как ментального представления. Такие тенденции существенно повлияли на модель идентичности: она была помещена в сферу социального дискурса и стала считаться совместно конструируемой. При этом конструкционисты попытались отказаться от большинства классических понятий психологии, многие из которых ранее понимались как личностные черты, точнее, перестали считать их до-дискурсивной

данностью. В этой ситуации изучение идентичности столкнулось с огромным количеством методологических проблем. Прежние, хорошо зарекомендовавшие себя в классической психологии методы вызвали массу критических замечаний, так как предполагали модель идентичности как самоопределения в терминах психологических черт [см., например: 2]. Востребованными становятся модели, в которых личностная идентичность не является характерной чертой или набором черт, которыми обладает индивидуум. Она представляет собой самость, рефлексивно понимаемую индивидом в терминах ее или его биографии [31]. Новая методология, позволяющая изучать дискурсивную, неустойчивую во времени и осуществляемую в интеракциях идентичность, находится сейчас в стадии становления и, следовательно, имеет массу непроработанных областей (включая отсутствие стандартизированных методов исследования) [22].

Относительно основных функций нарратива (как и относительно определения критериев нарративности) среди ученых по-прежнему нет единого мнения. В психологии, последней вступившей в нарративное движение и унаследовавшей методологические разработки других дисциплин, существуют различные концепции повествования. Поэтому говорить о нарративной психологии можно лишь как об очень широком поле исследований, объединенных интересом к общему феномену. Нарратив понимается как форма, организующая опыт и контролирующая действия и эмоции; как когнитивная схема, позволяющая объяснить и преодолевать затруднения; как результат работы дискурса, установленный в социальных интеракциях; как отчет о прошлом, обеспечивающий самопонимание; как инструмент формирования идентичности, придающий жизни единство и цель и т. д.

Структурирующая функция нарратива

Способность рассказа структурировать опыт и придавать ему смысл, однако, ни у кого из ученых не вызывает сомнений. Особенность нарратива как культурного инструмента в том, что он позволяет посмотреть на себя как на условно независимого от себя персонажа. О. Сакс в предисловии к книге А.Р. Лурии «Потерянный и возвращенный мир» объясняет это так: «...жизнь, любая человеческая жизнь не является жизнью до тех пор, пока не станет объектом пристального изучения; она не будет жизнью, пока не будет точно запомнена и особым образом присвоена; такое запоминание не является чем-то пассивным, но представляет собой активное конструирование, активное и креативное построение собственной жизни, поиск и выявление истинной истории собственной жизни» [цит. По: 19, с. 60]) Позиция, при которой рассказчик может воспринимать свершившееся отстраненно, с точки зрения стороннего наблюдателя, рассматривая себя как Другого, является основой рефлексии — специфической человеческой способности, которая позволяет «...сделать свои мысли, эмоциональные состояния, свои действия и отношения, вообще всего

себя предметом специального рассмотрения (анализа и оценки) и практического преобразования» [21, с. 78]. Эта функция нарратива отчетливо перекликается и с идеей В. Франкла о способности к самодистанцированию или самоотстранению как одной из базовых человеческих характеристик [23].

Есть основания утверждать, что, несмотря на бесконечное содержательное разнообразие, все нарративы имеют нечто общее в структурном отношении. Нарратология возникла в 60–70 гг. XX в. именно как один из структуралистских методов изучения письменных нарративных, преимущественно художественных текстов. Структуралистская нарратология мыслила нарратив как систему инвариантных форм и правил, эффективно использующихся в конкретных культурных контекстах. Ее основной задачей была формулировка того, что лежит за «поверхностью» повествования — поиск «глубинных структур», «универсальных грамматик». Так, например, проделанный Владимиром Проппом классический анализ народных сказок показал, что форма сказки может оставаться неизменной даже при изменении ее содержания, а американский исследователь мифологии Дж. Кэмпбелл обнаружил, что любой рассказ, по умыслу автора или нет, следует древней схеме мифа. Миф является частным случаем нарратива, автобиография может рассматриваться как вариант «личного мифа»: «Мы пришли к весьма странному... выводу. Наша формула, по видимому, уничтожает всякую грань между мифом и самой обыкновенной историей, точнее — биографией, или описанием тех или иных эпизодов из жизни того или иного человека» [15, с. 171]. По мнению Дж. Брунера, описания собственной жизни при значительном разнообразии содержания точно так же могут обнаруживать общую формальную структуру [8]. Стоит напомнить, что, по мнению отечественного философа М.К. Мамардашвили, сознание находится, как правило, в неструктурированном состоянии, а приводит к осмыслению опыта лишь определенная структура, которую может придать сознанию какое-то переживание, текст, произведение искусства и т. п. [18].

Ценностно-ориентирующие функции нарратива

Вероятно, именно универсальная форма является тем средством, которое осваивает человек как субъект социально-культурной деятельности. Одним из центральных положений культурно-исторической психологии является идея культурного опосредствования. Рождаясь, человек попадает в социально-культурную среду, в систему, в которой уже существуют значения, базовые ориентации, моральные нормы и ценности, где он находится среди следов человеческой деятельности, многие из которых закреплены в повествованиях. В нарративе не просто описывается некий «мир, где я мог бы жить», но одобряются или порицаются действия героев, сами герои делятся на «хороших» и «плохих», автор непременно (явно или неявно) дает моральную оценку происходящему.

Нарратив — это всегда повествование о ценностях, о том, что для человека является важным, должным, правильным, о том, ради чего стоит жить, или о том, во имя чего стоит умереть. Понимать нарративы — значит понимать отношение авторов к жизни, осознавать их видение мира, делать заключение о «...ценностных структурах, используемых людьми для описания их миров» [32, р. 382]. Поскольку нарратив связан с оценочной интерпретацией прошлого, в нем обязательно содержатся нормативные идеи о том, что можно считать правильным, ценным, о том, что М. Фриман и Й. Брокмайер [30] называют «представлениями о «хорошей жизни»». Таким образом, в нарративной конструкции идентичности есть не только психологическое, социальное, эстетическое, но и этическое измерение: «Даже рассказ о бессмысленной и бесполезной жизни кого-то, кто совершает самоубийство, следует жанру сюжета о “полноценной жизни” (базируясь, в частности, на культурных представлениях о “хорошей жизни”) и он делает это таким образом, что идея бессмысленности предполагает идею осмысленности» [27, р. 249]. По мнению Т. Сарбина: «Выживание в мире смыслов и значений было бы проблематичным, не будь у нас способности сочинять и интерпретировать истории о переплетениях человеческих жизней» [20, с. 13].

Нарратив помогает ребенку на ранних этапах социализации входить в культурный мир взрослых: «Именно миф расставляет перед человеком систему своеобразных “указателей”: что должно являться более ценным, что — менее, что должно являться более значимым, а что второстепенно и третьестепенно по своей значимости. Именно миф — иллюзорная и нелепая конструкция, с точки зрения внешнего наблюдателя, — создает систему тех базовых ориентиров, которые позволяют представителю той или иной культурной общности твердо знать, каким факторам окружающего предметного мира следует отдавать предпочтение» [17, с. 56]. Значительная часть исследований в рамках нарративного подхода связана с проблемами формирования идентичности, при рассмотрении которых неизбежно встают вопросы моральных ориентаций рассказчика, ведь «...нарративная идентичность и моральная жизнь идут друг с другом рука об руку» [25, р. 342]. Нарратив как языковая конструкция выступает в качестве необходимого условия приобретения знания, в том числе знания нравственного порядка. Он играет роль своеобразного фильтра, направляющего наше мышление, формирующего смыслы, становится теми «культурными очками», сквозь которые человек смотрит на мир и понимает его. Огромное значение при этом, конечно, отводится языку: благодаря своей способности выходить за пределы «здесь-и-сейчас» язык соединяет различные зоны реальности и интегрирует их в единое смысловое целое [6].

Перформативная функция нарратива

Помимо организационно-структурирующей функции нарратив, безусловно, обладает и функцией пер-

формативной — способностью воздействовать на реципиента. Конструируя нарратив, рассказчик более или менее осознанно учитывает лингвистические каноны той культурной среды, к которой он принадлежит, он строит рассказ таким образом, чтобы оказывать на читателя или слушателя определенное воздействие. В свое время Л.С. Выготский сформулировал значение формы как одно из центральных положений психологии искусства: «...только в данной своей форме художественное произведение оказывает свое психологическое воздействие» [11, с. 54]. Стоит предположить, что и в обыденной языковой практике форма имеет не менее серьезное значение для наррации как коммуникативного акта, находящего свое завершение в слушателе или читателе.

В этом смысле взрослый использует нарратив в процессе инкультурации ребенка. Однако со временем нарративные формы интериоризируются и становятся тем культурным средством, с помощью которого человек овладевает собой, приобретая возможность управлять собой и перестраивать себя. Способность к пониманию и конструированию нарративов формируется в онтогенезе довольно рано: 3–5-летние дети уже способны описать собственный опыт в виде повествования [38]. Однако «...если коммуникативная система “Я—Он” обеспечивает лишь передачу некоторого константного объема информации, то в канале “Я—Я” происходит ее качественная трансформация, которая приводит к перестройке самого этого Я. В первом случае адресант передает сообщение другому, адресату, а сам остается неизменным в ходе этого акта. Во втором случае, передавая самому себе, он внутренне перестраивает свою сущность, поскольку сущность личности можно трактовать как индивидуальный набор социально значимых кодов, а набор этот здесь, в процессе коммуникационного акта, меняется. В процессе такой автокоммуникации происходит переформирование самой личности, с чем связан весьма широкий круг культурных функций от необходимого человеку в определенных типах культуры ощущения своего отдельного бытия до самопознания и аутопсихотерапии» [16, с. 172].

Используя культурно заданные лингвистические формы, нарратив, тем не менее, никогда не повествует о типичных событиях. Как одна из его основных особенностей (позволяющих отличать нарратив от других дискурсивных форм) отмечается «проблемность» нарратива — центральным в структуре сюжета является событие, нарушающее привычный ход вещей. Для психологической структуры это означает, что герой переживает кризис, после которого его «мир» (включая собственную идентичность) должен быть выстроен по новым правилам, в соответствии с новыми ориентирами. Надо отметить, что большинство работ по изучению нарратива имеют дело с историями об экстремальном опыте: «...оказывается, что человек лучше всего помнит и осознает себя там, где видит свою границу, границу своего бытия — и поэтому для него его подлинное Я всегда оказывается за пределами и необычным» [12, с. 82]. Например, в работе У. Лабова и Дж. Валецки [35] нарратив «извлекался» вопро-

сом об опыте переживания угрозы жизни. Существует большое количество исследований рассказов пациентов, переживших опасную болезнь, например, работа К. Лангиллер [36], в которой изучаются нарративы женщин, рассказанные через 10 лет после удаления рака груди. В методике «Интервью о жизненной истории» Д. Макадамса используются вопросы о пиковых (самых счастливых или самых тяжелых) событиях жизни [подробнее см.: 3]. Р. Тавернье и Т. Уиллоуби [39] в своем исследовании просили подростков описать опыт «поворотной точки», т. е. такого события, которое значительно изменило их образ мышления и поведение. В авторбиографических нарративах часто «...присутствует особый тип событий жизни, отмечающих точки разрыва единой линии личностного пути. При переходе через эти точки «перелома» личность становится другой (по крайней мере, в собственных глазах)» [19 с. 67–68]. Во всех вариантах личных историй жизни обязательно присутствует кризисный поворотный момент. Под поворотными моментами принято понимать те эпизоды, в которых рассказчик объясняет перелом в убеждениях, верованиях, мышлении героя. Такие моменты можно считать отличительной чертой нарративов. Ф. Анкерсмит [1] трактует их как описания «травмы идентичности». Таким образом, структура истории, разделяющая жизнь на «до» и «после», позволяет обратить внимание на момент трансформации.

Идеи постоянной трансформации, человеческой «незавершенности», а также полифонической природы нарратива, были разработаны М.М. Бахтиным при анализе романов Достоевского [5] и привели к новым концепциям «многоголосного» разума и «диалогического» Я [см., например: 33]. М.М. Бахтин настаивал на том, что к человеку нельзя применить формулу тождества: «А есть А», подлинная жизнь личности, подлинное Я возникает как раз в точке несовпадения человека с самим собой. Именно роман (который, безусловно, является частным случаем нарратива) благодаря этой специфике оказывается, по Бахтину, наиболее адекватным жанром для выражения человеческой «незавершенности». Безусловно, идеи Бахтина выходят за рамки теории литературы: «Представления Бахтина о нарративном дискурсе предполагают взгляд на человека как на постоянно создающего себя, как способного опровергнуть любой окончательный вариант идентичности» [28, р. 8].

Эффект перестройки, переконфигурации идентичности посредством нарратива вполне осознает и традиционная психотерапия: «Ваше прошлое — богатейший материал для творчества. Напишите свою биографию, и вы почувствуете себя обновленным» [9, с. 23], и основная задача различных версий нарративных психотерапевтических практик (берущих начало от разработок М. Уайта и Д. Эпстона) состоит в том, чтобы человек почувствовал себя способным влиять на ход течения собственной жизни, стал ее автором и тем самым овладел ею. Ряд исследований убедительно показывает, что переструктурирование содержания автобиографической памяти (которое по сути

является нарративом) оказывает позитивное влияние на эмоционально-психологическое и соматическое состояние больных, характеризующихся различной нозологией. [19] Так, например, Л. Хайден [34] обсуждает, каким образом больные деменцией с помощью рассказывания историй (как особого вида активности) конструируют различные идентичности.

Темпоральная функция нарратива

Еще одной отличительной чертой нарратива является его чувствительность к временному модусу человеческого существования. Речь идет об «...исключительной способности нарратива представлять темпоральную природу человеческого опыта и, таким образом, ухватывать непрерывное, но развивающееся Я» [32, р. 384]. Из всех дискурсивно-ориентированных теорий конструирования идентичности только нарративный подход позволяет всерьез рассматривать развитие и трансформацию идентичности во времени, при том, что преемственность и связность Я остается одной из самых важных ее функций: «Я сегодня тот же, который был вчера, и, несмотря на возможные изменения, я сохраняю тождественность самому себе. Это не означает, что я всегда одинаковый, это означает только, что я один и тот же человек. Это означает, в частности, что я несу ответственность за свои слова, что я могу планировать что-то, что я могу проектировать себя в будущем и брать на себя какие-то обязательства» [14, с. 8].

Задача нарратива восстановить временной порядок, цепочку событий, из которых состоит жизнь. Однако Дж. Брунер утверждает, что в автобиографических нарративах глаголы прошедшего времени составляют не более 70% от всех использованных глаголов. Очевидно, что Я-нарративы — это повествования не только о прошлом, но, скорее, о связи прошлого с настоящим и будущим. Вспоминая свой жизненный путь, рассматривая свою жизнь рефлексивно, человек должен выстроить рассказ таким образом, чтобы в итоге прийти к себе сегодняшнему. Для этого ему необходимо собрать и увязать в непротиворечивую систему разные части своего Я, различный жизненный опыт, разделенный не только содержательно, но и распределенный на временной оси. Хорошо известен так называемый «туннельный эффект» автобиографических воспоминаний: некоторые воспоминания возникают намного позже, чем они зафиксированы в памяти. К тому же у взрослых такие воспоминания имеют гораздо большую полноту описания, чем это мог бы сделать ребенок, вскоре после того, как событие произошло [19]. Благодаря З. Фрейду мы хорошо представляем себе механизмы вытеснения, например, информации о травмирующих событиях. В результате психоаналитической терапии травмирующий опыт должен быть осознан и рассказан. Превратившись в нарратив, он теряет свой травмирующий характер, идентичность ассимилирует этот опыт, включает в себя, связывает его с остальными частями. На значение повествования

в работе психоаналитиков неоднократно обращали внимание многие ученые: «Фрейд подвел поэтическую основу под сознательную психику. Он понимал, что весь рассказ о нашей жизни, герои рассказа, каковыми мы являемся, и сновидения, в которые мы погружаемся, структурируются в нашей психике с помощью селективной логики основополагающего мифа» [24, с. 16]. В таком «собирании» себя видел основную задачу человека и М.К. Мамардашвили: «...человеческое существо раздроблено по разным локализациям пространства и времени... И вот место собирания всего этого... есть человек во всей полноте» [18, с. 316]. Стоит напомнить, что инструментом такого «собирания» М.К. Мамардашвили считает текст в самом широком смысле слова. Сегодня проблема «собирания» себя встала еще более остро. В эпоху глобализации мир предложил человеку огромное количество возможных идентификаций, социальных ролей, широчайший выбор ценностных ориентаций. Структура идентичности становится как никогда ранее сложной, противоречивой, появляется проблема удержания и согласования многочисленных Я-образов в представлениях человека о самом себе. Американский психиатр Р.Дж. Лифтон даже предложил ввести понятие «протеевской» идентичности («protean Self»). Как древнегреческий Протей — символ бесконечных превращений, — современный человек вынужден постоянно меняться, будучи не способен сохранить стабильную идентичность [37]. Идентичность периода постмодернизма характеризуется как фрагментарная, подвижная, флуктуирующая. В то же время большое значение придается индивидуальным стратегиям поддержания ощущения цельности и единства Я в нестабильном мире. Одной из таких стратегий можно считать нарратацию.

Транслирующая функция нарратива

Пожалуй, одна из интереснейших функций нарратива заключается в хранении и трансляции культурного опыта. Безусловно, автобиографический нарратив повествует об уникальном опыте и личностных смыслах рассказчика. Тем не менее, нарратив всегда подразумевает слушателя, лицо, к которому обращается рассказчик. Для нарративных психологов сегодня чрезвычайно важен вопрос о механизмах трансляции личного опыта. На одну из его особенностей обращает внимание К. Пламмер [39]. Она утверждает, что в личных нарративах часто содержится переход от индивидуальной биографии к дискуссионному дискурсу о социальных проблемах и их устранении. Нарратив, по ее мнению, организует трансформацию частной, интимной озабоченности в социальную и политическую активность. Похожие представления о нарративе разработаны в книге Р. Баумана [26] который рассматривает устные представления историй техасцев в конкретных случаях, фокусируя внимание на отношениях между Я-нарративом, случаем и социальными обстоятельствами, в которых и то и

другое объединяются. Р. Бауман демонстрирует как изучение нарративов становится исследованием социальной и культурной жизни. Он утверждает, что нарративам принадлежит центральная роль в трансформации культурных сообществ. Повествования, как показывают эти исследования, не только форма рефлексии и репрезентации социальной действительности, но также и инструмент форматирования социальной жизни.

К. Фельдман [29] обращает внимание на то, насколько разные истории можно рассказать о, казалось бы, похожих жизненных мирах. Ее анализ рассматривает повествования как культурные паттерны, которые могут мыслиться как когнитивные схемы для создания и интерпретации опыта. То же самое, как она утверждает, справедливо и для больших культурных сообществ, таких как нация. Нарратив национальной идентичности — это частный случай «групп-определяющих повествований». Изучая исторические американские национальные нарративы, она предлагает выделить несколько качеств национальной нарративной идентичности, показывая, что национальная нарративная идентичность может обеспечить базовую конфигурацию, посредством которой личные автобиографии получают форму и смысл.

* * *

При всем многообразии нарративных исследований, большинство ученых согласны с тем, что нарратив, обладающий чувствительностью ко времени, интертекстуальными отношениями с более широким культурным контекстом и сохраняющий напряженность отношений между традицией и действиями индивидуального субъекта, является уникальным материалом для изучения конструирования Я в культурном контексте во времени и пространстве, так как «идея человеческой идентичности — можно даже сказать сама возможность человеческой идентичности — связана с понятием нарратива и нарративности» [28, р. 15].

На сегодняшний день нарративный подход в психологии представляет собой крайне пестрое движение, которое объединяет лишь интерес к повествованию как к материалу. Однако методологи-

ческие основания у различных ветвей нарративного подхода существенно отличаются. Одной из возможных стратегий развития нарративного подхода можно считать исследования с опорой на основные положения культурно-исторической психологии Л.С. Выготского.

С точки зрения культурно-исторической психологии нарратив можно рассматривать как *культурное средство* становления личности. Как было показано, являясь культурной формой, нарратив используется как средство структурирования разрозненного опыта, в том числе для создания временной структуры, позволяющей человеку овладеть своим прошлым. Интериорезированная нарративная форма становится средством рефлексии, в процессе которой человек осмысляет события своей жизни, изменяя и перестраивая при этом свою идентичность. Важнейшей для осмысления опыта функцией нарратива является его способность выстраивать ценностные ориентиры рассказчика. Являясь языковым средством, нарратив способен «вбрасывать» обретенный смысл в общее культурное поле; можно утверждать, что большая часть культурного опыта аккумулирована именно в нарративах. При этом нарратив является «мостом», соединяющим личностный смысл и общекультурное значение.

«Культурно обусловленные когнитивные и лингвистические процессы, регулирующие акт рассказывания о своей жизни самому себе, обретают способность структурировать перцептивный опыт, организовывать память, сегментировать и наделять целью сами “жизненные события”. В конце концов, мы становимся теми автобиографическими нарративами, посредством которых мы “рассказываем о” своей жизни. Но по причине упомянутой культурной обусловленности мы также становимся вариантами канонических форм, существующих в культуре» [8, с. 13]. Представляется, что позиция Дж. Брунера очень точно иллюстрирует не только возможности нарратива, но и его способность выполнять функцию «культурного средства, знака», позволяющего человеку осознать свои воспоминания, и, в конце концов, не только отрефлексировать ценности и смыслы своей жизни, но, возможно, и сформировать (или хотя бы переструктурировать) содержание своей идентичности. А это важный ключ и к возможному созданию сценария своего будущего.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (№ 14-18-00598 «Закономерности и механизмы позитивной социализации современных детей и подростков»).

Литература

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: «Европа», 2007. 612 с.
2. Барский Ф.И. Личность как черты и как нарратив: возможности уровневых моделей индивидуальности // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 93—105.
3. Барский Ф.И., Грищук А.Г. «Интервью о жизненной истории» Д. Макадамса как метод исследования нарративной идентичности // Журнал практического психолога. 2010. № 5. С. 158—204.
4. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв.: трактаты, статьи, эссе / Под ред. Г.К. Косикова. М.: МГУ, 1987. С. 387—422.
5. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев: NEXT, 1994. 512 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с

- англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.
7. Брокмайер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
8. Брунер Дж. Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. 2005. № 1(2). С. 9–29.
9. Василюк Ф.Е. Психотехника переживания. М.: Ахилл, 1991. 200 с.
10. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. История развития высших психических функций. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
11. Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. 576 с.
12. Даренский В.Ю. Нарративы самособирания «Я» в художественной автобиографии [Электронный ресурс] // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1(10). С. 79–86. URL: <http://www.culturalresearch.ru> (дата обращения: 10.12.15).
13. Джерджен К.Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология. Саморефлексия маргинальности. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 51–73.
14. Леонтьев Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // Философские науки. 2009. № 10. С. 5–10.
15. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
16. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996. 448 с.
17. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Отдел образования, администрации Октябрьского района, 1997. 688 с.
18. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М.: Ad Marginem, 1997. 547 р.
19. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000. 320 с.
20. Сарбин Т.Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 6–28.
21. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
22. Турушева Ю.Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 33. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.12.15).
23. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 367 с.
24. Хиллман Дж. Исцеляющий вымысел. СПб.: Б.С.К., 1997. 181 с.
25. Atkins, K.M. Narrative identity, practical identity and ethical subjectivity // Continental Philosophy Review. 2004. № 37 (3). P. 341–366.
26. Bauman R. Story, performance, and event: Contextual studies of oral narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 144p.
27. Brockmeier J. From the end to the beginning. Retrospective teleology in autobiography // Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 247–282.
28. Brockmeier J., Carbaugh D. Narrative and identity // Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 1–24.
29. Feldman C.F. Narratives of national identity as group narratives. Patterns of interpretive cognition // Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 129–144.
30. Freeman M., Brockmeier J. Narrative integrity. Autobiographical identity and the meaning of the «good life». In: J. Brockmeier, D. Carbaugh (Eds.), Narrative and identity: studies in autobiography, self, and culture. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 75–103.
31. Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 264 p.
32. Gone J.P., Miller P.J., Rappaport J. Conceptual self as normatively oriented: The suitability of past personal narrative for the study of cultural identity // Culture & Psychology. 1999. № 5. P. 371–398.
33. Hermans H., Hermans-Konopka A. Dialogical Self Theory: Positioning and Counter-Positioning in a Globalizing Society. New York: Cambridge University Press, 2010. 404 p.
34. Hydén L., Identity, Self, Narrative // Beyond Narrative Coherence. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam: John Benjamins, 2010. № 1. P. 33–48.
35. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // J. Helm (Ed.), Essays on the verbal and visual arts. Seattle, WA: University, 1967. P. 12–44.
36. Langellier K. M. “You’re marked”: Breast cancer, tattoo, and the narrative performance of identity // Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 145–184.
37. Lifton R.J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1995. 272 p.
38. Nelson K. Event Knowledge: Structure and Function in Development. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. 288 p.
39. Plummer K. Telling sexual stories. London: Routledge, 1996. 256 p.
40. Tavernier, R., Willoughby, T. Adolescent turning points: the association between meaning-making and psychological well-being // Developmental Psychology. 2012. № 48(4). P. 1058–1068.

Narrative as Cultural Mediator in Personality Development: Looking through the Lens of Cultural-Historical Psychology

Yu.B. Turusheva*,

RAE Psychological Institute, Moscow, Russia,
turusheva.yulia@gmail.com

The article considers the features of the narrative approach as a new methodology for the study of personality and its development mechanisms. The article discusses the basic settings of social constructionism, in which most of the narrative research are carried out to date, and discloses the basic approaches and concepts of the narrative approach. The article also shows the ability of the narrative approach in the in the research process of socialization and the formation of human identity in the context of the cultural-historical approach, and analyzes some specific narrative function, such as the ability to structure the experience and give it meaning; create a basic system of values; build and rebuild our own identity and influence others; install time order and semantic links between the past, present and future; broadcast the cultural experience and influence in the community. All these functions — structuring, value-orienting, performative, temporal, translates — are invited to consider from the perspective of cultural-historical psychology, assuming a cultural narrative means, mediating personal development.

Keywords: narrative, the narrative approach, socialization, identity, social constructionism, cultural mediation

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 14-18-00598 “The patterns and mechanisms of positive socialization of the modern children and adolescents”).

References

1. Ankersmit F.R. *Vozvyshennyi istoricheskiy opyt* [Sublime Historical experience]. Moscow: Europe, 2007. 612 p.
2. Barskii F.I. *Lichnost' kak cherty i kak narrativ: vozmozhnosti urovneykh modelei individual'nosti* [Person as Traits and Person as Narrative: the Potential of Individuality]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and History of Psychology], 2008. Vol. 3, vyp. 3, pp. 93–105.
3. Barskii F.I., Griusik A.G. “Interv'yu o zhiznennoi istorii” D. Makadamsa kak metod issledovaniya narrativnoi identichnosti [Interview about the life story by D. Makadams as a method of study narrative identity]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa* [Journal of Practical Psychology], 2010, no. 5, pp. 158–204.
4. Bart R. *Vvedenie v strukturnyi analiz povestvovatel'nykh tekstov* [Introduction to the structural analysis of narrative texts]. *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX–XX vv.: traktaty, stat'i, esse* [Foreign aesthetics and theory of literature XIX–XX centuries: treatises, articles and essays]. Moscow: MGU [Publishing house of Moscow University], 1987, pp. 387–422.
5. Bakhtin M.M. *Problemy tvorchestva Dostoevskogo* [Problems of Dostoyevsky's Art]. Kiev: NEXT, 1994. 512 p.
6. Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Academia-Center; Medium, 1995. 323 p.
7. Brokmaier I., Kharre R. *Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoi al'ternativnoi paradigmy* [Narrative: Problems and Promises of an Alternative Paradigm]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2000, no. 3, pp. 29–42.
8. Bruner J. *Zhizn' kak narrativ* [Life as Narrative]. *Postnekllassicheskaya psikhologiya* [Postnonclassical psychology], 2005, no. 1(2), pp. 9–29.
9. Vasilyuk F.E. *Psikhotekhnika perezhivaniya* [Psychological technique experience]. Moscow: Achill, 1991. 200 p.
10. Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 3. Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii*. [Collected Works: in 6 vol. Vol. 3. History of development of higher mental functions.]. Moscow: Pedagogika [Pedagogic], 1983. 368 p.
11. Vygotskii L.S. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of art]. Moscow: Art, 1968. 576 p.
12. Darenskii V.Yu. *Narrativy samosobiraniya “Ya” v khudozhestvennoi avtobiografii* [Elektronnyi resurs] [Narratives of the Self-Keeping of “Me” in Artistic Autobiography]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2013, no. 1(10), pp. 79–86. Available at: <http://www.culturalresearch.ru> (Accessed 10.12.2015).
13. Gergen K.J. *Dvizhenie sotsial'nogo konstruksionizma v sovremennoi psikhologii* [The social constructionist movement in modern psychology]. In Yakimova E.V. (Ed.) *Sotsial'naya psikhologiya. Samorefleksiya marginal'nosti* [Social Psychology. Self-reflection of the marginality]. Moscow: INION RAN, 1995, pp. 51–73.
14. Leont'ev D.A. *Labirint identichnosti: ne chelovek dlya identichnosti, a identichnost' dlya cheloveka* [The Path from the Identities Labyrinth: not the Human for Identity, but

For citation:

Turusheva Yu.B. Narrative as Cultural Mediator in Personality Development: Looking through the Lens of Cultural-Historical Psychology. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2016. Vol. 12, no. 2, pp. 24–32. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2016120203

* Turusheva Yuliya Borisovna, Graduate student, RAE Psychological Institute, Moscow, Russia, e-mail: turusheva.yulia@gmail.com

- Identity for Human]. *Filosofskie nauki [Philosophical sciences]*, 2009, no. 10, pp. 5–10.
15. Losev A.F. Dialektika mifa [Dialectic of myth]. Moscow: Mysl' [Thought], 2001. 558 p.
16. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchikh mirov [Inside minded worlds]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1996. 448 p.
17. Lobok A.M. Antropologiya mifa. [Anthropology of myth]. Yekaterinburg: Otdel obrazovaniya, administratsii Oktyabr'skogo raiona, 1997. 688 p.
18. Mamardashvili M.K. Psikhologicheskaya topologiya puti [Psychological topology of the path]. Moscow: Ad Marginem, 1997. 547 p.
19. Nurkova V.V. Svershennoe prodolzhaetsya: Psikhologiya avtobiograficheskoi pamyati lichnosti [Perpetrated is continues: the psychology of personality autobiographical memory]. Moscow: URAO, 2000. 320 p.
20. Sarbin T.R. Narrativ kak bazovaya metafora dlya psikhologii [The Narrative as a Root Metaphor for Psychology]. *Postneklassicheskaya psikhologiya [Postnonclassical psychology]*, 2004, no. 1, pp. 6–28.
21. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Osnovy psikhologicheskoi antropologii. Psikhologiya cheloveka. Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti [Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology. Introduction to the psychology of subjectivity]. Moscow: Shkola-press, 1995. 384 p.
22. Turusheva Yu.B. Osobennosti narrativnogo podkhoda kak metoda izucheniya identichnosti [Elektronnyi resurs] [Features of the narrative approach as a method of studying identity] *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological studies]*, 2014. Vol. 7, no. 33. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed 10.12.2015). (In Russ., abstr. in Engl.).
23. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man's Search for Meaning]. Moscow: Progress [Progress], 1990. 367 p.
24. Khillman Dzh. Istseyayushchii vymysel [Healing Fiction]. Saint-Petersburg: B.S.K., 1997. 181 p.
25. Atkins, K.M. Narrative identity, practical identity and ethical subjectivity. *Continental Philosophy Review*, 2004, no. 37 (3), pp. 341–366.
26. Bauman R. Story, performance, and event: Contextual studies of oral narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 144 p.
27. Brockmeier J. From the end to the beginning. Retrospective teleology in autobiography. *Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture*. Amsterdam: John Benjamins, 2001, pp. 247–282.
28. Brockmeier J., Carbaugh D. Narrative and identity. *Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture*. Amsterdam: John Benjamins, 2001, pp. 1–24.
29. Feldman C.F. Narratives of national identity as group narratives. Patterns of interpretive cognition. *Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture*. Amsterdam: John Benjamins, 2001, pp. 129–144.
30. Freeman M., Brockmeier J. Narrative integrity. Autobiographical identity and the meaning of the "good life". *Narrative and identity: studies in autobiography, self, and culture*. Amsterdam: John Benjamins, 2001, pp. 75–103.
31. Giddens A. Modernity and self-identity: Self and society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 264 p.
32. Gone J.P., Miller P.J., Rappaport J. Conceptual self as normatively oriented: The suitability of past personal narrative for the study of cultural identity. *Culture & Psychology*, 1999, no. 5, pp. 371–398.
33. Hermans H., Hermans-Konopka A. Dialogical Self Theory: Positioning and Counter-Positioning in a Globalizing Society. New York: Cambridge University Press, 2010. 404 p.
34. Hydén L., Identity, Self, Narrative. *Beyond Narrative Coherence*. John Benjamins Publishing Company, 2010, no. 1, pp. 33–48.
35. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. *J. Helm (Ed.), Essays on the verbal and visual arts*. Seattle, WA: University, 1967, pp. 12–44.
36. Langellier K. M. "You're marked": Breast cancer, tattoo, and the narrative performance of identity. *Narrative and identity: Studies in autobiography, self, and culture*. Amsterdam: John Benjamins, 2001, pp. 145–184.
37. Lifton R.J. The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation. N.Y., 1995. 272 p.
38. Nelson K. Event Knowledge: Structure and Function in Development. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1986. 288 p.
39. Plummer K. Telling sexual stories. London: Routledge, 1996. 256 p.
40. Tavernier R., Willoughby T. Adolescent turning points: the association between meaning-making and psychological well-being. *Developmental Psychology*, 2012, no. 48(4), pp. 1058–1068.